

Епископ Иоанн (Ядзиги)

ТАИНСТВА И ЦЕРКОВЬ

Святой Николай Кавасила (XIV в.) сказал о Евхаристии: «Это конечное таинство... Далее идти невозможно; к ней ничего нельзя прибавить». А столетием позже другой великий византийский литургист, св. Симеон Солунский, сказал то же самое: «Это Таинство таинств, Святая Святых и начало священного вхождения». В России в начале XX века великий иерей, вдохновленный Евхаристией, св. Иоанн Кронштадтский говорил: «Евхаристия есть продолжающееся чудо».

Я буду говорить о таинствах инициации, вхождения в Церковь — Крещении, Миропомазании и в особенности о Евхаристии, а также об их воздействии на Церковь, тело Господа нашего Иисуса Христа.

Таинства и Церковь

Господь наш Иисус Христос есть Тайна, «о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена, и... возведена всем народам для покорения их вере» (Рим 14:24-25). Но Он стал человеком и пришел, чтобы даровать нам Свои «великие и драгоценные обетования, дабы вы чрез них соделались причастниками Божеского естества» (2 Пет 1:4). И мы причащаемся этим таинствам, когда рождаемся во Христе и становимся членами Его тела, Церкви, посредством таинств Крещения, Миропомазания и Евхаристии. И таким образом мы становимся ветвями животворящей Лозы. Мы очищаем себя, а затем бываем просвещены; и так Бог освящает нас, открывает Себя нам и соединяет с Собой. Это значит, что Он делает нас чадами Божиими через нашу словесную службу. В этом служении Бог, через Духа Святого, привлекает нас к Себе и к Церкви, Своему телу, чтобы мы возрастали в благодати, становясь совершенными личностями «в меру полного возраста Христова... славную Церковь, не имеющую пятна, или порока, или чего-либо подобного» (Еф 4:13; 5:27).

Святые Таинства Крещения, Миропомазания и Евхаристии суть Таинства, посредством которых человек вступает в Церковь Христову.

1) Крещение есть дверь, через которую мы входим в жизнь в Иисусе Христе. Адам пал и стал чужд истинной жизни и бытию, то есть отчужденным от Бога. Крещение есть новое рождение свыше, не от плоти и крови, не от желания мужа, но от Бога (Ин 1:12-13; 3:3-7), и через это новое рождение мы возвращаемся к нашей первоначальной красоте и к нашему истинному существованию.

В Крещении человек участвует в смерти и воскресении Иисуса. Он облачается в Иисуса и совлекается ветхого человека. Он становится невестой Христа, украшенной божественной красотой и возлюбленной Женихом, который предал Себя за него на смерть, в совершенной и бесконечной любви. Крещение — это вхождение в новую жизнь, посредством него человек заступает на Христово служение и посвящает себя тому, чтобы совершить путь и достичь просвещения и обожения «по образу Создавшего его» (Кол 3:10).

2) Миропомазание есть Таинство, в котором подается печать и дары Святого Духа. Благодаря этим дарам новая жизнь, полученная в Крещении, растет и развивается в направлении к полному совершенству.

3) Евхаристия, Таинство Благодарения, есть трапеза Господня, в которой Иисус дарует Себя нам как истинную пищу и питье через бескровную жертву; это распространение жертвы на Кресте, на которой Великий Первосвященник предал Себя как Агнца, однажды и навсегда, изливав Свою драгоценную Кровь ради спасения мира.

В евхаристическом приобщении человек причащается Телу и Крови Господа и воистину соединяется с Ним. Через это соединение со Христом и обитание в Нем человек обретает вечную жизнь (1 Ин 5:6). Именно это и делает человека причастником Божеского естества (2 Пет 1:4).

Святые Таинства Крещения, Миропомазания и Евхаристии являются таинствами вступления человека в Церковь Христову. Святое Крещение — это таинство второго рождения, и через него человек рождается во Христе. Но в Миропомазании подаются дары Святого Духа, которые дают силы человеку возрастать в этой новой жизни и наставляют его на всякую Истину, так чтобы он мог стать свидетелем Господ-

ним. Наконец, в Евхаристии происходит приобщение к пречестному Телу и Крови Господа. Посредством этих трех Таинств совершается соединение человека с Церковью.

Воздействие Таинств на жизнь верных в Церкви

Для христианина вхождение в Церковь не является абстрактным, потому что он переживает эту истину сердцем. Он старается следовать за Христом, потому что верит, что Христос является образцом для него, Образом и Типиконом: «Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин 13:14-15).

Евангелия говорят о следовании Христу, и Послания апостолов напоминают, что Христос является для нас образцом. Это значит, что Христос действует в Церкви не только как Христос истории, но и как Христос славы, истинный Спаситель и Бог. Апостол Павел призывает нас быть подражателями ему, как он — Христу (1 Кор 11:1). Это означает, что следование Христу — это не внешняя формальность, но истинное и преданное служение Богу: «Отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем. Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое. Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения» (2 Кор 5:16-18).

Христианин подражает Христу, который пострадал: «Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Пет 2:21). И тот, кто участвует в страданиях Христа, будет участвовать также в Его воскресении и вознесении.

Основным условием нашей жизни во Христе является Любовь и самоотречение, примирение с братом и с Богом. Воскресшего Христа не видел мир, но лишь Его ученики: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить... Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин 14:18-21). Это значит, что видение Бога требует от человека из раба и врага стать другом Божиим. Эта дружба не от мира сего: «Вы

друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин 15:14-15).

Эта дружба человека с Богом достигнет полноты, когда человек, по благодати Божией, будет участвовать в таинстве Креста, в смерти и воскресении Христа. Ибо для христианина взять крест — это не просто переносить проблемы и трудности этой жизни, это значит умереть для старого и стать новым человеком. Крест — это добровольная и бесконечная борьба за наше освобождение от рабства греху посредством соблюдения заповедей и послушания воле Божией вплоть до смерти: «Говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин 12:24-25).

Лицо Иисуса Христа — это прототип для верующих: «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, — каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (1 Кор 3:11-15). Соединение с телом Христовым, Церковью, совершается через Таинства, а подражание Христу — через послушание воле Божией и личное и добровольное участие в Таинстве смерти и воскресения. Так человек совлекается ветхого Адама и облекается в нового Адама, и освящается Благодатью. И таким образом Церковь становится священным народом, «славная Церковь, не имеющая пятна или порока» (Еф 5:27).

Таинство Евхаристии и единство Церкви

Литургическое и евхаристическое собрание является чистейшим выражением таинства Церкви как тела Христова. Именно сама Церковь совершает Евхаристию. И именно Евхаристия созидает Церковь и соединяет ее членов, питая их

жизнью. Поэтому через Таинство Евхаристии осуществляется единство Церкви и образуются взаимные связи между верующими (1 Кор 10:17).

Мы обнаруживаем этот аспект Евхаристии как совместное деяние всего тела Церкви, обращаясь к значению слова «литургия», обозначающего Евхаристию. Что это слово обозначает? Обычное объяснение греческого слова «литургия» — это *εργον του λαου*, «народное дело» — дело, совершенное народом, дело, совершенное для народа. Термин «литургия» означает, что Евхаристия есть совместное деяние. Литургия — это то, что совершается многими личностями в солидарности друг с другом. Поэтому если мы называем Евхаристию литургией, это значит, что в ней нет пассивных наблюдателей, но только активные участники. Поэтому главное слово на литургии не «Я», но «Мы».

Позвольте мне рассказать вам русскую историю, содержащуюся в знаменитом романе Федора Достоевского «Братья Карамазовы». Это история о старой женщине и луковице. Жила одна старая женщина, которая была очень благочестива и часто ходила в церковь. Она умерла — и к своему удивлению обнаружила себя в огненном озере. И на берегу этого огненного озера она увидела своего Ангела хранителя. «Это ошибка! — закричала она, обращаясь к Ангелу. — Я очень набожна и не должна находиться в этом огненном озере!» И Ангел сказал ей: «Помнишь ли случай, когда ты помогла кому-нибудь?» Она подумала немного и говорит: «Да! Однажды я была в саду, когда нищая проходила мимо, и я дала ей луковицу!» Ангел говорит: «Прекрасно! Так случилось, что эта луковица у меня». И он достал ее из своего одеяния. «Посмотрим, что может сделать эта луковица», — сказал он и протянул ей один конец луковицы, чтобы, держась за другой, вытянуть ее из огненного озера. Но она не единственная была в огненном озере, и когда другие увидели, что Ангел пытается вытащить ее, то они уцепились за нее в надежде, что выберутся вместе с ней. Это совсем не понравилось женщине, и она стала отпихивать их и кричать: «Это не вас вытаскивают из огненного озера, а меня! Это не ваша луковица, а моя!» И когда она сказала: «моя», луковица развалилась на две части, и она упала назад в огненное озеро. И она до сих пор там. Вот такую историю рассказал Достоевский. Если бы она не сказала «это моя луковица», а сказала вмес-

то этого «наша луковица», луковица оказалась бы достаточно крепкой, чтобы всех вытащить из огненного озера. Говоря «мое, а не ваше», она поступила весьма анти-литургически. Потому что во время литургии мы всегда употребляем слово «Мы», а не слово «Я». Это относится также и к епиклезису, призыванию духа Святого на дары, когда говорится: «Мы приносим Тебе духовную службу (не «Я приношу»), без пролития крови, и Мы просим, Мы молим, и Мы призываем ниспослать Духа Святого на Нас». Евхаристия — это совместное действие и общее деяние всего тела Церкви.

Литургический характер Святой Евхаристии по самой ее природе — как совместного деяния клириков и лаиков — выражается по-разному. Можно обратить внимание на следующее:

Общее слово «Аминь». Что это значит, когда народ отвечает «Аминь» на молитвы, произносимые священником? Аминь означает «действительно так», означает подтверждение слова и действия. Но это означает и большее: Аминь — «истинно так» не только с моей стороны. Мы все вместе говорим «Аминь» во время богослужения, а поэтому это слово означает истинное (как несомненный факт) для всех нас в единстве друг с другом. Поэтому в данном случае это общее «Аминь» выражает совместный характер литургического действия. Говоря «Аминь», мы выражаем нашу причастность — как единого народа Божия — к словам и действиям священника. Мы являем единство Церкви.

Взаимный акт прощения — священника и народа. Священник три раза в продолжение литургии обращается к народу и совершает поклон, а народ отвечает ему тем же: 1) прежде чем войти в алтарь для облачения после произнесения приготовительных молитв; 2) перед Великим входом, прежде чем подойти к жертвеннику, чтобы взять хлеб и вино, приготовленные для литургического освящения; 3) перед принятием причастия. В чем смысл этих поклонов священника и ответных поклонов народа? Преклоняясь друг перед другом, священник и народ испрашивают прощение друг у друга. Без этого взаимного прощения, без этого выражения единства через взаимное прощение не может быть истинного совершення святой Евхаристии.

Лобзание любви. Перед произнесением Символа веры диакон призывает народ: «Возлюбим друг друга да единомысли-

ем исповемы», — и народ отвечает: «Отца, и Сына, и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную». Возлюбим друг друга. Не может быть истинного исповедания Символа веры, истинного выражения нашей веры в Бога, Святую Троицу, истинного совершения литургии без взаимной любви. В этот момент священники совершают взаимное «целование мира», еще раз подчеркивая взаимную любовь и единство.

Диалог перед началом анафоры. Предстоятель возглашает: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа... и любовь Бога и Отца... и причастие Святого Духа... да будет со всеми вами». И народ отвечает: «И со духом твоим». То есть, перед началом главной части литургии мы, священник и народ, обмениваемся взаимным приветствием. Далее священник говорит: «Горé имеем сердца», — а народ отвечает: «Имамы ко Господу». Священник обращается к народу, а народ отвечает ему. «Благодарим Господа», — говорит священник, и народ говорит в ответ: «Достойно и праведно». Иначе говоря, священник обращается с призывом к народу, который отвечает на этот призыв. «Благодарим Господа» может быть передано, как «Принесем евхаристию Господу». То есть, народ говорит священнику: мы приносим евхаристию вместе с тобой. В диалоге в начале литургии св. Иоанн Златоуст говорит: *πάντα τα τῆς εὐχαριστίας κοινά* — в Евхаристии все общее. Священник приносит благодарение не один, продолжает Златоуст, но весь народ благодарит вместе с ним. В этом смысл диалога перед евхаристической анафорой: священник и народ вместе совершают литургию. Один не может совершить это приношение без другого.

Заключение

Таким образом, литургия как совместное действие выражает то, что воистину означает быть человеческой личностью. Не «Я», но «МЫ»; никто не может быть личностью сам по себе. Личность — это общение, «кинония». Это то, что означает взаимность. Слово «литургия» указывает на то, что личность не может быть уединенной, и это подтверждается, когда мы размышляем о том, что мы созданы по образу Божию, а значит — по образу Святой Троицы. Бог есть общение: Бог как Троица — не только личный, но и межличностный. Размышляя о смысле литургии и личности как отно-

шении, обратимся к греческому слову, которое обозначает личность: *πρόσωπον*. Оно означает «лицо». Есть другое греческое слово — *ἄτομον*, которое означает индивидуум. Но *πρόσωπον* означает не просто индивидуум, не просто человеческое существо, изолированное и замкнутое на себя; *πρόσωπον* означает именно человеческую личность, находящуюся в отношении к другим человеческим существам. Я только тогда личность, если мое лицо обращено к другой личности и если я смотрю в ее глаза и позволяю ей смотреть в глаза мне.

Вспомним одну историю об авве Макарии Египетском. Однажды он шел по пустыне и увидел на обочине дороги череп. Он тронул череп своим посохом и спросил его: «Кто ты?» — Череп ответил: «Я был языческим жрецом». — «Где ты сейчас?», — спросил Макарий. «Я в аду», — ответил череп. «Что это такое — быть в аду?» — спросил Макарий. «Такова наша мука в аду, — ответил череп. — Мы привязаны друг к другу спинами, так что мы не можем смотреть друг другу в лицо!»

Это и есть сущность ада: не иметь возможность видеть лицо другой личности. Ж.-П. Сартр сказал: «Ад — это другие». Но в конечном счете, ад — это не «другие». Ад — это я сам по себе, не способный к отношению и к любви. И таким образом, мы видим, что Божественная литургия — как выражение человеческой солидарности, взаимоотношения и любви — есть противоположность ада. В Божественной литургии мы выражаем нашу истинную природу как личностей в отношении, и наше участие в литургии *не* только личное, но и межличностное.

Литургия есть нисхождение неба на землю и восхождение земли на небо, в ней небо и земля соединяются. Церковь есть земное небо, когда небесный Бог проявляет любовь. Земное небо означает совершение Божественной литургии, которая есть небо на земле.

Позвольте мне завершить это выступление упоминанием об истории обращения России в христианскую веру, которую мы все знаем. Киевский князь Владимир отправил своих послов во все стороны, и когда она пришли в Константинополь, то оказались на Божественной литургии в храме Святой Софии. И что они рассказали, когда вернулись домой, в Киев? — «Мы не знали, на небе мы были или на земле».